

Литература

1. Медведева О.Ю. Концептуализация и актуализация темпоральных отношений (на материале английского языка): Автореферат. Барнаул, 2002.
2. Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary. Oxford, 1992.
3. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow, 2003.
4. Toddler. <http://en.wikipedia.org/wiki/Toddler>
5. Toddlers. <http://www.nccc.org/Child.Dev/todd.dev.html>
6. Galsworthy J. The Man of Property. Moscow, 1956.
7. Toddler injured after falling from moving car. <http://www.cbc.ca/canada/new-brunswick/story/2006/06/19/nb-toddler-nocarseat20060619.html>
8. Near drowning in Wichita. <http://www.wibw.com/news/headlines/3101686.html>
9. Four-year-old found dead in Kakamas. http://www.sabcnews.com/south_africa/crime1justice/0,2172,129664,00.html
10. The Concise English Dictionary. Oxford, 1956.
11. Grisham J. The Runaway Jury. N.Y., 1996.
12. Hammett D. Red Harvest. L., 1975.
13. Clark M.H. On the Street Where You Live. Pocket Books, 2002.
14. Brown D. The Da Vinci Code. L., 2004.

УДК 802/809.1

Т.Ю. Казанцева

К ВОПРОСУ О ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ КОНСОНАНТНЫХ ОСНОВООБРАЗУЮЩИХ ФОРМАНТОВ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Северская государственная технологическая академия

Полифункциональность консонантных основообразующих формантов, т.е. их способность служить в качестве словообразовательных и парадигматических элементов, связана с их происхождением. Вопрос об их происхождении в древнегерманских языках представляет собой тему специального большого исследования. Его нельзя рассматривать изолированно, вне связи с другими индоевропейскими языками. Можно высказать лишь гипотезу относительно происхождения консонантных основообразующих формантов, основываясь на косвенных данных (в основном типологических параллелях). В своих работах О.А. Осипова считает, что основообразующие форманты являются реликтами очень древнего и.-е. состояния, возможно, именно в них отразились следы классного и активного строения имени [1–3].

С точки зрения индоевропейского моделирования и исходя из фактов общегерманского, можно утверждать, что основообразующим формантам присуща словообразовательная функция. Специфическим для данных формантов является, во-первых, использование их для образования определенного лексического разряда производных и, во-вторых, продуктивность подобных моделей. Так, суффикс *-jo-* (герм. *-ja-*) в санскрите служил для образования отглагольных отвлечен-

ных существительных; был очень употребителен и в ранний период существования индоевропейского получил широкое развитие как самостоятельный суффикс, утратив в большинстве случаев связь с основами на *-i*. В германских языках суффикс *-ja-* использовался исконно для образования прилагательных со значением «относящийся к чему-либо, кому-либо; связанный с чем-либо». Уже высказывалось мнение, что основообразующие форманты в имени, как и в глаголе, играли классифицирующую роль, например в готском языке [4, с. 204–210], что в такой же степени может быть отнесено и к любому другому древнему индоевропейскому языку. Вполне возможно, что основообразующие показатели группировали имена по какому-либо семантическому признаку [5, с. 165; 6, с. 57–58].

К. Бругман пытался восстановить и.-е. классы имен на основании отнесения их к определенным суффиксам, которые в таких группах, как *nomina agentis*, имена родства, соответствуют основообразующим формантам [7, с. 430–431]. Ф. Шпехт также связывает основообразующие показатели с определенными семантическими группами и высказывает мысль, что разнообразие основ зависит от выражения одушевленности и неодушевленности [8, с. 301–302, 307–306]. В противоположность

К. Бругману Ф. Шпехт не ищет общности между определенными группами имен и каким-либо одним основообразующим формантом, а считает, что в каждой группе могли употребляться разные основообразующие показатели. Все эти показатели он рассматривает как местоименные образования [8, с. 353, 385–386]. Однако практика показала, что очень трудно установить связь основообразующих показателей с отдельными семантическими группами в древних и.-е. языках из-за смешения классов, перехода имени из одного класса в другой, неравномерного развития основообразующих показателей в разных языках и языковых группах и в силу других обстоятельств. И все-таки семантико-классифицирующая роль основообразующих показателей для древнего периода и.-е. языков в какой-то степени оправдана, поскольку типологически идентичное явление наблюдается в кавказских языках [9, с. 67–68] или в африканских языках, например в языке лингала и суахили [10, с. 15–35; 11]. Если учесть, что в своем далеком прошлом и.-е. языки могли быть языками классного типа [12, с. 138; 13, с. 237–240], то следы такого строения могли сохраниться, например, в виде основообразующих консонантных формантов. Древность возникновения последних бесспорна, ибо они предшествовали появлению грамматического рода [14, с. 146; 5, с. 167–168]. Г. Хирт отмечает, что первоначально в показателях склонения род не проявлялся. Формирование же грамматического мужского и женского рода Г. Хирт связывает с формой слов, обозначающих существа мужского и женского пола, которая была затем перенесена на другие имена, хотя и указывает, что этот принцип не всегда выдерживался [15, с. 29–30]. Склонения же на гласные основы, по его мнению, являются «молодыми» по сравнению с нерегулярными склонениями [15, с. 266].

В настоящее время почти невозможно восстановить семантические основы деления существительных на мелкие группы, соответствующие количеству основообразующих формантов. Однако можно выявить общую направленность в подразделении существительных на два больших класса – одушевленных (активных) и неодушевленных (инактивных) имен, что показала на примере готского языка в своих трудах О.А. Осипова [1; 16; 17; 3]. Класс одушевленных (активных) имен в основном маркирован консонантными показателями, а неодушевленные (инактивные) имена исторически восходят к нулевому показателю. Они чаще всего представлены отглагольными существительными, образованными от основы претерита или причастия II сильных глаголов, а также от презентной основы глаголов, т.е. инактивность имени была заложена в семантике глагольной основы. Первоначально ин-

активные (неодушевленные) существительные, видимо, не имели склонения, а значит, не имели первичного (древнего) падежного показателя, который имели существительные консонантных основ [3, с. 257].

Бесполезность поисков и восстановления семантических подгрупп имен, связанных с определенными основообразующими формантами, очевидна. Нетрудно показать, что в одних языках по каким-либо причинам предпочтение отдается одним показателям, в других языках – иным. Наблюдается тенденция к унификации одного форманта и закрепление за ним более обобщенного значения, например, как это происходило в древнегерманских языках, где показатель *-n-* взял на себя функцию выражения одушевленности (активности) [3, с. 258].

Былую картину функционирования и.-е. основообразующих показателей помогает восстановить в одних случаях этимологический анализ имен, в других – история и этнография данного народа, а также типологические параллели. Следует напомнить мнение Г.А. Климова о том, что в языках активного строя, к каковым, по всей вероятности, ранее принадлежали и и.-е. языки [18, с. 206–209], классы слов, обозначающие одушевленные, активные денотаты, менялись, т.е. пополнялись, обновлялись в зависимости от того, что приобретало у людей социальную значимость [18, с. 211–212]. Типологически идентичное явление можно наблюдать в кетском языке, где к классу одушевленных имен относятся реалии, тесно связанные с человеком, необходимые ему [19, с. 36; 20, с. 178; 21, с. 114–116]. Подобное же явление отмечается в ряде самодийских языков, например в селькупском, реалии, тесно связанные с человеком, как бы наделены жизнью [23, с. 74–82], о чем свидетельствует порча этих вещей при захоронении человека, чтобы они не смогли продолжать свое существование.

Показатель одушевленности в имени хорошо выделяется и занимает такое же положение в структуре имени, как и консонантные основообразующие форманты в древних и.-е. языках [22, с. 70–71; 1, с. 16].

Многие ученые неоднократно отмечали, что существование нескольких функций в одном форманте отражает разные периоды развития одного языка [24, с. 212; 25, с. 49–60, 173; 26, с. 10–11]. М.М. Гухман подчеркивает: «Нередко старый словообразовательный показатель использовался в дальнейшем развитии индоевропейских языков в качестве словоизменительного форманта, вследствие чего в системе одного языка, являющейся результатом развития в течение ряда эпох, отлагались явления, относящиеся к разным периодам...». «Тесная связь словоизменения и словообразования проявляется

также в древних индоевропейских языках в той зависимости оформления склонения имен от структуры именной основы, которая и создавала большую дробность классов в системе именного склонения» [24, с. 212].

Итак, довольно трудно установить первоначальное значение основообразующих формантов, поскольку своей большей частью они потеряли значение еще в далекие дописьменные времена, а также некоторые имена переходили из одного типа склонения в другой. Так, например, готское имя *kuni* «род» перешло из склонения имен с основой на *-i* в склонение имен с основой на *-ja*. На определенном этапе развития германских языков консонантные форманты, являясь словообразовательными, взяли на себя новую функцию – маркера активности (одушевленности) [1, с. 69; 3, с. 259], с чем и связано их «долгожительство».

В своем труде, посвященном возникновению индоевропейского склонения, Ф. Шпехт высказывает мысль о том, что родовые различия в существительных не связаны с основами, а представляют лишь вторичные явления по отношению к основам [8, с. 112, 117]. Идею Ф. Шпехта поддерживают и развивают другие ученые [27; 5; 28]. Так, Г. Дечи утверждает, что «род играет второстепенную роль в системе парадигм склонения существительных» [28, с. 44].

Ф. Шпехт выделяет несколько групп существительных, обозначающих предметы, которые были в поле зрения индоевропейцев. Эти предметы не были многочисленны, но тесно связаны с человеком и его жизнедеятельностью. К ним относятся следующие группы: 1) созвездия, обозначение времени, окружающая природа, небо, земля, огонь, вода, море, камни, горы, пещеры, ямы, дороги и др.; 2) окружающий человека мир животных и продукты этого мира; 3) мир деревьев и растений и изделия из них; 4) части тела; 5) семья, дом, жилище, орудия и т.д. Слова, обозначающие предметы в перечисленных группах, очень редко относились к индоевропейским *o*- или *ā*-основам (германские *a*-, *ō*-основы). Как правило, они принадлежали к консонантным или гетероклитическим основам, в которых был представлен наиболее древний слой индоевропейского словаря. Все эти реалии древние индоевропейцы или одушевляли, или персонифицировали.

Конечно, становление основообразующих формантов относилось к очень отдаленному прошлому индоевропейской языковой общности и представляло собой длительный и постепенный процесс. Этот процесс во временном плане должен был предшествовать образованию падежных окончаний, а не как у Ф. Шпехта – почти одновременно, из которых не все можно объ-

яснить местоименным происхождением, за исключением именительного и родительного падежей на *-s*, а также винительного на *-m* [8, с. 278, 285–286]. Необходимо отметить, что Ф. Шпехт недостаточно последователен. С одной стороны, он постулирует, что основообразующие форманты не имели отношение к роду, а с другой стороны, отдельные индоевропейские суффиксы он связывает с грамматической категорией рода, хотя и признает, что это уже вторичное явление [8, с. 112, 117]. Поэтому не удивительно, что Ф. Шпехт подвергался неоднократно критике со стороны других лингвистов [29, с. 186 и др.]. И все-таки мы придаем большое значение работе Ф. Шпехта, т.к. в ней обращается внимание к связи основообразующих формантов с определенными пластами древней индоевропейской лексики и делаются попытки объяснить происхождение этих формантов.

Поскольку в склонении германских языков сохранилось более древнее отражение именной системы, то современные германские языки могут быть полезны при рассмотрении древней именной классификации. Если категория одушевленности/неодушевленности в русском языке охватывает все типы склонения существительных и находит свое выражение в падежном оформлении, то в современном немецком языке для выражения одушевленности используется слабое склонение. Оно является морфологическим средством выражения одушевленности, поскольку в нем сосредоточены имена мужского рода, обозначающие живые существа [30, с. 360].

В современных германских языках обнаруживаются формальные признаки некогда существовавшего деления имен на одушевленные и неодушевленные в виде специального склонения, где основная маркирующая роль принадлежит консонантному форманту.

Старая система словообразования была настолько продуктивна, что новые средства – суффиксы, содержащие консонантные форманты, сопровождались переносом ударения, т.е. *nomina agentis*, и прилагательные какое-то время продолжали нести как бы двойную маркировку. С течением же времени суффиксы с консонантными показателями приобрели единственную и решающую роль в качестве маркеров *nomina agentis* и прилагательных, что можно наблюдать в большинстве и.-е. языков [3, с. 260].

Древнегерманские консонантные основообразующие форманты принимали участие не только в словообразовании, но и в формообразовании, т.е. отличались полифункциональностью. Безусловно, полифункциональность консонантных основообразующих формантов связана с их происхождением, т.е. с таким источником, на базе которого могли бы

развиться значения одушевленности (активности), активного падежа, принадлежности и определенности. Все эти значения, по мнению О.А. Осиповой, могли сочетаться в одном и том же форманте в том случае, если этот формант связать с дейктической местоименной основой. «Только при таком условии можно перекинуть мост от пространственных значений к посессивности, одушевленности (активности) к обозначению деятеля и далее падежа субъекта и, наконец, к выражению определенности» [3, с. 260–261].

Древнее употребление и.-е. консонантных основообразующих формантов в качестве падежных показателей в какой-то степени напоминает эргатив [3, с. 262]. Следовательно, и.-е. консонантные основообразующие форманты могли в далеком прошлом не только играть роль падежных функций, но и обозначать субъект действия, маркировать имена деятеля, передавать принадлежностные и выделительные отношения. Выражаемые ими значения, которые можно еще обнаружить косвенным путем в формо- и словообразовании, как раз и являются подтверждением того, что они могли использоваться в вышеперечисленных функциях.

Все указанные значения могли быть соединены только в дейктических частицах, поэтому можно предположить, что консонантные основообразующие показатели были местоименного происхождения, вернее, они восходят к дейктическим частицам. В и.-е. языках их сохранилось немного, но в отдельных языках обнаруживаются следы различных основ. Существование же прилагательных с суффиксами, содержащими консонанты, может помочь восстановить сложный и разнообразный характер дейктических местоимений, которых в праиндоевропейском языке существовало гораздо больше, чем было уже засвидетельствовано в отдельных и.-е. языках [31, с. 332–334].

К.Е. Майтинская склонна считать, что дейктические слова могли происходить от слов с конкретным значением, т.е. от полнзначных слов. Но уже в таких языках-основах, как индоевропейский, уральский, тюркский и другие, они зафиксированы в качестве дейктических элементов [27, с. 25; 32, с. 32]. Видимо, следует согласиться с К.Е. Майтинской в том, что «первичные дейктические элементы языка еще не были местоимениями, а лишь первичными частицами, совмещающими функции частиц, наречий и местоимений» [32, с. 32].

Некоторые и.-е. консонантные основообразующие форманты можно сопоставить с дейктическими частицами на основе того, что в них проявляется значение определенности, посессивности (вытекающее из указательности) [3, с. 264].

Можно предположить, что если в и.-е. языках не обнаружено какой-либо местоименной основы, то

признаки ее существования могли сохраниться в основообразующих и.-е. формантах или в суффиксах прилагательных, «тем более что богатство основообразующих формантов соответствует разнообразию суффиксов прилагательных в различных и.-е. языках» [3, с. 266].

Таким образом, полифункциональность консонантных основообразующих формантов можно объяснить их местоименной природой.

Однако все эти функции были потеряны консонантными основообразующими формантами. В начале были потеряны значения, связывающие консонантные показатели с определенными семантическими группами, поскольку эти показатели стали использоваться для новых целей – маркировки активного падежа. Е. Курилович считает, что когда морфема становится показателем флективной формы, она перестает характеризовать ее как лексическую [33, с. 37]. Затем, с возникновением номинативного строя, этот активный падеж стал недостаточным для выражения субъектно-объектных отношений. В форманте активного падежа было сосредоточено слишком много падежных функций, что привело к синкретизму и лишило его значимости [3, с. 267]. Об утрате падежных значений у консонантных основообразующих формантов можно сказать словами Э. Бенвениста: «...когда стало устанавливаться различие между прямым и косвенным падежом, “неопределенный падеж”, уточненный грамматическими окончаниями, исчез как таковой» [34, с. 215]. В данном случае, конечно, речь идет не об исчезновении этого падежа, а об исчезновении его функций.

Мы присоединяемся к гипотезе О.А. Осиповой о возможном использовании консонантных основообразующих формантов в дономинативном прошлом и.-е. языков в качестве показателей древнего активного падежа с широкими функциями [2, с. 37–49; 3, с. 202]. Следы же употребления показателей этого падежа могли сохраниться в виде консонантных основообразующих формантов.

Вполне закономерно, что уже готовые словообразовательные форманты могли использоваться для возникновения новой, словоизменительной категории – категории падежа. В своей более поздней работе М.М. Гухман описывает словоизменительную систему языка древнейших памятников на германских языках и отмечает как процессы распада функционирующей системы, так и становление новых черт: «По-видимому, еще в эпоху, предшествующую выделению и обособлению отдельных германских языков, эта система характеризовалась отсутствием монолитности, сосуществованием разнородных парадигматических моделей, занимавших разные позиции в словоизменительной системе и относящихся к разным историческим пластам» [35, с. 70].

В древних и.-е. языках некоторые консонантные форманты в системе склонения использовались в «чистом» виде, фактически маркируя падеж (один из локативных падежей – местный). Интересно отметить, что этот древний падеж без окончания характерен для наиболее употребительных консонантных основ: *-n-*, *-j-/-i-*; *-w-/-u-* [36, с. 220, 223–234, 236, 240]. Т. Барроу подчеркивает, что местный падеж без окончаний встречается и в других и.-е. языках, например в готском и старославянском [36, с. 237], считая его наиболее древним вариантом.

Исключительно правильно по поводу и.-е. форм местного падежа высказывается М.М. Гухман: «Во многих случаях перед нами не застывшие формы местного падежа, якобы доказывающие его наличие в том или ином языке в дописьменную эпоху, а образования, возможно, предшествовавшие выработке системы показателей местного падежа и поэтому не являющиеся доказательством наличия этого падежа в доисторическую эпоху» [24, с. 258]. По мнению М.М. Гухман, предпосылки такого развития «... имелись уже в эпоху первоначальной языковой общности» [24, с. 258]. Отсюда вытекает, что очень трудно определить, какое значение эти показатели первоначально имели.

Поскольку над возникновением падежной системы задумывались многие ученые, то на этот счет существовали различные мнения. Одни лингвисты восстанавливают довольно большое количество падежей, минимум восемь, для праиндоевропейского [33, с. 199; 28, с. 44]. Другие считают, что на самой ранней стадии развития индоевропейской языковой общности существовало очень мало падежей, скорее всего – два [24, с. 274–275; 35, с. 201–202; 37, с. 97–100 и другие].

Мы склонны считать, что первая точка зрения относится к более позднему индоевропейскому состоянию языков, в то время как вторая связана с очень ранним индоевропейским состоянием.

Действительно, не все падежи складывались одновременно. Об этом свидетельствует тот факт, что «не все падежные формы различных и.-е. языков восходят к единому источнику» [38, с. 60].

В современной лингвистической литературе подчеркивается, что первичными в языках всегда являются локальные падежи – местный, творительный и дательный, которые показывают конкретные пространственные отношения. Что же касается родительного и инструментального, то они являются фигуральными падежами, которые появились на базе более ранних конкретных (локальных) падежей [28, с. 44].

В отношении форм родительного падежа ед.ч. различные и.-е. языки обнаруживают большой разницей [38, с. 60]. По мнению Г. Дечи, родительный падеж мог быть связан с локативными падежами [28, с. 44].

Некоторые ученые утверждали, что единая форма родительного падежа в и.-е. языках отсутствует.

На самом деле, только в родительном падеже сохранилось так много консонантных показателей, которые можно сопоставить с основообразующими формантами, содержащими консонантные элементы. Видимо, для маркировки родительного падежа могли использоваться ранее существовавшие суффиксы органической принадлежности – одного из основных значений родительного падежа. Как известно, в языках активной типологии выражение органической и неорганической принадлежности предшествует формированию падежей [18, с. 192, 199]. Поэтому вполне естественно предположить, что суффиксы органической принадлежности могли дать ростки либо для выделения активного класса, либо для формирования активного падежа. Поскольку имена активного класса, значительную группу которых в и.-е. языках составляют *nomina agentis*, могли быть маркированы различными консонантными показателями, постольку различные форманты могли принимать участие в создании первичного активного падежа. Отсюда вытекает, что консонантные основообразующие форманты могли представлять собой рефлексы показателей первичного активного падежа. Такой падеж свойственен, прежде всего, активному классу имен, который всегда являлся маркированным падежом.

Что же касается винительного падежа, то он не был маркированным в праиндоевропейском [39, с. 72]. А.В. Десницкая относит его возникновение к более позднему периоду, считая форму винительного падежа без специального падежного показателя «...наследницей функций неформленной именной основы в ее обстоятельственно-определенном употреблении» [39, с. 78, 79]. Как известно, у имен среднего рода винительный падеж без окончания совпадал с именительным падежом, т.е. не был маркированным. Отсюда можно предположить, что и именительный падеж у этих имен не был первоначально активным падежом. Появление им. и вин. падежей предполагает зарождение и становление более поздней грамматической категории – категории рода [40, с. 94].

В различных и.-е. языках падежом объекта является аккузатив, который в то же время имеет и другие значения: «директива и экстенсива». Возможно, как заметила Ж. Одри, «эти употребления самые старые». «А из многочисленных употреблений инструментального восстанавливают “посессивное” значение этого падежа» [41, с. 103].

Итак, М.М. Гухман определяет, что «... древнейшая модель падежных противопоставлений в и.-е. языках, сохранившаяся как рудимент в структуре падежной парадигмы неодоушевленного рода, была двухчленной, включавшей неопределенный падеж

и единственный косвенный “родительный”, обладавший широким диапазоном синтаксических функций во всех древних и.-е. языках, включая хеттский» [35, с. 202].

Чем бы ни был выражен показатель активного падежа, он, прежде всего, маркировал имена активного класса, т.е. он только являлся предшественником становления падежной системы. Так, в хеттском языке существовали два разных показателя родительного падежа для имен активного и инактивного класса [42, с. 269–270]. Возможно, пережитки такого и.-е. языкового состояния, когда маркеры одушевленного класса имен отличались от неодушевленного, сохранились не только в двух различных показателях родительного падежа в хеттском, но и в консонантных основообразующих формантах в именном склонении. Последние указывали на определенный класс слов и в то же самое время играли роль маркера первичных косвенных падежей. Вполне возможно, что первичными падежами были активный и инактивный, но не именительный и винительный падежи.

Итак, во многих древних и.-е. языках, в том числе и древнегерманских, показатели одушевленности, активного падежа и принадлежности имеют одно и то же материальное выражение в рамках этих категорий. Таковыми показателями являются консонантные основообразующие форманты, которые относятся к очень древнему периоду, когда они формировались, видимо, из дейктических местоимений.

Исходя из всего вышесказанного, можно констатировать наличие полифункциональности у древнегерманских консонантных основообразующих формантов, которые могли служить в качестве маркера одушевленности и первичного падежа, употребляться для выражения посессивных отношений и выражать значение определенности. Соединение всех этих функций в консонантных основообразующих формантах стало возможным благодаря заложенной в них пространственно-указательной семантике, истоки которой следует связывать с их происхождением.

Поступила в редакцию 19.04.2007

Литература

1. Осипова О.А. Отражение категории одушевленности/неодушевленности в парадигме склонения в древнегерманских языках (на материале готского языка). Томск, 1980.
2. Осипова О.А. Следы классного и активного строения имени в древних индоевропейских языках // Теоретические аспекты лингвистических исследований. Новосибирск, 1984.
3. Осипова О.А. Типология древнегерманских именных склонений в свете индоевропейских и уральских языков: Монография. Томск, 2007.
4. Макаев Э.А., Кубрякова Е.С. О морфологическом статусе основообразующих элементов в готском языке // Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А.А. Реформатского. М., 1971.
5. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.
6. Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
7. Brugmann K. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1892. Bd. 2. XIV.
8. Specht F. Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947.
9. Структурные общности кавказских языков. М., 1978.
10. Топорова И.Н. Система именных классов в языке лингала // Вопросы африканской филологии. М., 1974.
11. Охотина Н.В. Согласовательные классы в восточных и южных языках банту. Коммуникативный статус и грамматическая структура. М., 1985.
12. Дульзон А.П. Общности глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими // Вопр. лингвистики. Томск, 1969. Вып. 2.
13. Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972.
14. Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени / Отв. ред. М.М. Гухман. М., 1977.
15. Hirt H. Geschichte der Deutschen Sprache. München, 1925.
16. Осипова О.А. Функциональная вариативность древнегерманских консонантных основообразующих формантов // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. М., 1990.
17. Ossipova O.A. The mystery of consonantal nominal stem-building markers in ancient Germanic // Language and Parole in Synchronic and Diachronic Perspective / Ed. by: Beedham. University of St. Andrews, UK, 1999.
18. Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977.
19. Вернер Г.К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // Вопр. языкознания. 1974. № 1.
20. Вернер И.Г. Вопросы именной классификации в енисейских диалектах // Вопр. филологии. Омск, 1969.
21. Крейнвич Е.А. Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке // Вопр. языкознания. 1961. № 2.

22. Дульзон А.П. Кетский язык. Томск, 1968.
23. Ким А.А. Семантические основы сочетаемости лично-притяжательных суффиксов с именами существительными в селькупском языке // Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР. Новосибирск, 1981.
24. Гухман М.М. Приемы сравнительно-исторического изучения словоизменения // Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М., 1956.
25. Ярцева В.Н. Историческая морфология английского языка. М., Л., 1960.
26. Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.
27. Майтинская К.Е. К происхождению местоименных слов в языках различных систем // Вопр. языкознания. 1966. № 1.
28. Décsy G. The Indo-European Protolanguage: A Computational Reconstruction. Bloomington, Indiana, 1991.
29. Lehmann W.P. On Earlier Stages of the Indo-European Nominal Inflection // Language, 1958. Vol. 34. № 2.
30. Мурясов Р.З. Слабое склонение имен существительных как морфологическое средство выражения одушевленности // Уч. зап. / 1-й Моск. пед. инст. ин. яз. им. Мореса Тореза, 1969. Т. 52.
31. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., Л., 1938.
32. Майтинская К.Е. К типологии генетической связи личных и указательных местоимений разных систем // Вопр. языкознания. 1968. № 3.
33. Kuryłowicz J. The Inflectional Categories of Indoeuropean. Heidelberg, 1964.
34. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. Пер. с франц. Н.Д. Андреева. М., 1955.
35. Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.
36. Барроу Т. Санскрит. М., 1976.
37. Уленбек Х.К. К учению о падежах // Эргативная конструкция предложения. М., 1950.
38. Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
39. Десницкая А.В. О происхождении винительного падежа в индоевропейских языках // Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984.
40. Палмайтис Л. Аккузатив и род // Вопр. языкознания. 1979. № 4.
41. Одри Ж. Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988.
42. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Ч. 1.

УДК 811.112.2: 070 (430)

Е.Ю. Черкун

ОСОБЕННОСТИ ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ С ГИПЕРТЕМОЙ В ТЕКСТАХ СООБЩЕНИЙ НЕМЕЦКОЙ ГАЗЕТЫ «DIE ZEIT» (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Иркутский государственный лингвистический университет

Целью данной статьи является рассмотрение коммуникативной структуры текстов «сообщений» газеты «Die Zeit» и выявление характерных и отличительных особенностей тема-рематических структур с гипертемой у авторов-женщин и у авторов-мужчин.

«Сообщение» является одним из видов информативного класса текстов. Главной функцией сообщения является информирование читателя о происходящем событии (факте), включая социальный, исторический, политический, культурный контексты. Несмотря на возможное наличие оценки и комментария, для сообщения типично нейтральное изображение события. Данный вид текста характеризуется дескриптивным развертыванием темы зачастую с элементами аргументативного [1].

В центре внимания сообщения в большинстве случаев находится одно определенное событие или

явление. Структура сообщений в прессе выглядит следующим образом [2]:

Начало текста: заголовок / подзаголовок

Основная часть: основное событие сообщения (+ цитаты / комментарии / контекст)

Конец текста: мнение / прогноз адресанта

Основная часть сообщений имеет обычно хронологическое построение. Однако иногда ход событий делится на части и рассматривается с позиции различных перспектив (используя цитаты, мнения, комментарии). Концовка текста обычно представлена в виде резюме и указывает на значение одного из аспектов, прогнозируя дальнейшее развитие ситуации.

Тематика «сообщений» достаточно разнообразна. В основном она затрагивает актуальные события политической, экономической и культурной жизни. Интерес представляет коммуникативная структура указанного вида текста с гипертемой в